

Мои воспоминания

В. Лебедева

Когда директор Таганрогского художественного музея Тамара Федоровна Пугач предложила мне написать для историко-литературного альманаха «Вехи Таганрога» воспоминания о работе в музее, прошлые годы, люди, события снова вернулись в памяти с чувством щемящей ностальгии.

Сразу хочу сказать, что это лишь впечатления, связанные с моим кругом работы, это отрезок моей жизни в городе, который навсегда остался в сердце. Поэтому могут быть упущения, в какой-то мере неточности; просто хочется рассказать, как практически возникали и развивались замыслы основателей музея, а также восстанавливались утраты, понесенные в период Великой Отечественной войны.

Даже страшно подумать, но первое знакомство с музеем, тогда еще краеведческим, произошло в 1961 году, 46 лет тому назад. С дипломом историко-филологического факультета Тартуского государственного университета я была принята в музей на вакантную должность экскурсовода.

Музей вызывал трепетное ощущение вхождения в храм знаний, красоты и таинства. Эта романтика юности поддерживалась особой атмосферой в жизни музея того времени.

По-моему, шестидесятые годы были временем стабильности и расцвета краеведческого музея.

Возглавляла его молодая и энергичная историк-краевед Лидия Тимофеевна Тоценко (впоследствии - преподаватель Ростовского государственного университета), сумевшая сплотить небольшой коллектив музейных специалистов.

Особой памяти заслуживает старейший научный сотрудник музея Петр Давыдович Карпун с его энциклопедическими знаниями истории Таганрога, справочные материалы которого, очевидно, используются до настоящего времени.

Замечательные разработки археологических памятников Приазовья осуществлял молодой ученый Николай Дмитриевич Праслов - ныне доктор исторических наук, действительный член Академии наук Российской Федерации.

Современной историей города скрупулезно и методично занимался солидный Александр Алексеевич Земляченко.

Эти неординарные личности оказали несомненное влияние на молодой коллектив музея, закладывая основы творческого отношения к музейной науке, инициативы и преданности делу, и, главное, это был коллектив единомышленников.

Не случайно то, что в это время Таганрогский краеведческий музей одним из первых провинциальных музеев создал блестящую по научной концепции и художественному решению экспозицию древней истории Донского края и Таганрога на протяжении двух с половиной веков.

В некоторой степени особняком существовал в стенах музея художественный отдел.

Старшее поколение таганрожцев, посещавших музей в Доме Алфераки, помнят планетарий, встроенный в огромный двухсветный зал. Холл перед ним, узкие коридоры, две небольшие комнаты в пристройке к основному зданию были отданы под экспозицию отечественного изобразительного искусства. Правда, в начале 1970-х годов, в результате варварской перестройки многострадального двухсветного зала, появилось большое помещение на втором этаже, отданное под новую экспозицию художественного отдела.

А тогда, в 1961 году, «парадная» часть экспозиции представляла больноформатные пейзажи И.К. Айвазовского, Р.Г. Судковского, неизвестного художника I половины XIX века, копию картины Ф.С. Журавлева «Перед венцом», «С больным ребенком» К.А. Савицкого, портретные работы С.К. Зарянко и А.Н. Мокрицкого. Это были «осколки» художествен-

ной коллекции, собранной за четыре довоенных десятилетия, благодаря усилиям А.П. Чехова, И.Е. Репина, городских попечителей, даров, а затем, в 1920-е гг. национализированных коллекций и поступлений из Государственного музейного фонда.

К началу 60-х годов оставалась небольшая коллекция русского искусства. Это были работы известных художников, которые не привлекали интереса сотрудников музея и тихо покоились на стеллажах запасников, отдельные картины и этюды А.К. Саврасова, К.А. Савицкого, И.К. Куинджи, Ф.А. Малявина, а также ряд работ малоизвестных художников конца XIX -начала XX веков. Особый раздел представляли художники-таганрожцы: Д.М. Синоди-Попов, С.И. Блонская, скульптор Л.Е. Егоров и, приехавший в Таганрог из Санкт-Петербурга, модный столичный портретист А.М. Леонтовский, а также польский художник Б.Н. Кубицкий, преподававший в Таганрогской гимназии до 1918 года. Впоследствии удалось установить, что он продолжал свое творчество в Харькове.

Два научных сотрудника художественного отдела занимались в основном составлением картотеки наличия живописных и графических работ собрания музея. Специалистов в области изобразительного искусства в музее не было. Поэтому в картотечных описаниях появлялись почти анекдотичные казусы. Рисунок Д.М. Синоди-Попова, изображающий вознесение Иисуса Христа, был расшифрован следующим образом: «Мужчина средних лет, задрапированный в ткань, идет по облакам» или в автопортрете К.Н. Карыгина - «изображен мужской бюст с просвечивающимся розовым ухом» и др.

В отличие от постоянных поступлений экспонатов исторических разделов музея, собрание художественного отдела пополнялось крайне мало за счет дарений таганрогских художников и случайных передач произведений современных художников из Союза художников РСФСР.

Беседы с Петром Давыдовичем Карпуном знакомили нас с жизнью музея в предвоенные годы и в годы оккупации. Так, я узнала о том, что коллекция живописи и богатого раздела прикладного искусства была разграблена немцами.

А потом были поиски и находки в архиве музея. Однажды Светлана Петровна Тартанова, главный хранитель музея, положила передо мной бесценный документ - старую книгу поступлений музея, в которой были указаны все произведения довоенной коллекции музея. В ней были даже записи, указывающие время изъема картин и имена немецких офицеров, изымавших их.

В 60-е годы проблема реституции (возврат национального культурного достояния, захваченного в военных действиях на оккупационных территориях) не была широко известна в СССР и не получила политического звучания. Эта глобальная проблема приобрела мировой статус только в конце прошлого века, и до сих пор не реализуется в полном объеме.

Наша находка конкретного материала, документально подтверждающая разграбление музея, была воспринята очень болезненно.

Листаем страницу за страницей и перед нами навсегда утраченные картины знаменитых русских художников: И.Н. Крамского, И.И. Шишкина, два произведения В.Д. Поленова, четыре картины И.К. Айвазовского, В.Е. Маковского, И.И. Левитана, К.В. Лемоха, В.М. Васнецова, Н.П. Богданова-Бельского и других.

Среди утрат был указан «Портрет крестьянина Ворожко» художника Е.Ф. Крендовского, ученика и современника великого А. Венецианова. Работы этого художника крайне редко встречаются в собраниях отечественных музеев. А в Таганрогском музее было две его картины. Оказывается, дочь художника была замужем за преподавателем Таганрогской гимназии, и, вероятно, ее потомки продали или подарили их музею. Сегодня одна из них - в Художественном музее. Маленькая жанровая картина, почти миниатюра, изображает двух дочерей Елизаветы Евграфовны, внучек художника.

Был и еще один экспонат, привлекающий особое внимание и вызывающий огромные сожаления от этой потери. Это портрет молодого Петра Великого, написанный в Амстердаме в период его пребывания в этой стране. Об этом столбцами есть надпись. Был ли это портрет, который создан одним из русских художников, осваивающих новую для России стилистику

европейских живописных примеров? Или же это одно из ранних изображений молодого царя, исполненный европейским мастером? Теперь мы этого не узнаем. Портрет поступил в музей из Государственного музейного фонда в 1920-х годах, ранее находился в архиве Министерства иностранных дел России.

Именно тогда зародилась первая, наивная по замыслу, и почти фантастическая мечта - восполнить понесенные музеем утраты. О том, чтобы сформировать в какой-то мере стройную коллекцию русского искусства, которая могла бы показать последовательное представление об истории русской живописи, сначала даже и не замыслилось.

Но ведь любой музей, его значимость, достойное место начинается с его коллекции, его собрания.

В то время, в России, помимо главных сокровищниц в Москве и Ленинграде, было почти сто художественных музеев практически в каждом административном центре республики и в нескольких областных городах. Ближайшие соседи - Ростовский областной музей изобразительных искусств, Краснодарский краевой художественный музей им. А.В. Луначарского, Рязанский, Орловский, Саратовский, Куйбышевский областные художественные музеи были уже сложившимися организациями, крупные коллекции которых сформировались, начиная со второй половины XIX до 30-х годов XX веков. Формированием собраний, их энергичным пополнением активно занимались опытные коллективы искусствоведов-музейщиков.

Перед нами стояла непростая задача начинать все сначала.

Сегодня трудно вспомнить последовательность вхождения в круг деятельности провинциальных музеев. Что хорошо запомнилось - посещение Министерства культуры СССР и неожиданно доброжелательное отношение сотрудников Управления изобразительного искусства, особенно Марии Александровны Вертоградской - доброго нашего «опекуна». Уже тогда из запасников министерства мы получили первые качественные поступления советского искусства.

Стало также понятно, что получить картины старых мастеров ни из запасников министерства, ни из центральных музеев невозможно. Их можно только приобрести в салоне-магазине на Арбате или же у частных лиц и коллекционеров.

Знания мы обрели, как и обрели две достаточно трудные проблемы. Нужны были средства и немалые, нужны были также поручители и связи в этом особом, в значительной степени, обособленном сообществе собирателей и владельцев коллекций. И все же начало было положено. В 1967 году была куплена достаточно дешево даже в те времена всего за 300 рублей небольшая картина художника-передвижника В.М. Максимова «Женщина с ребенком» 1871 года. В памяти не осталось, кто порекомендовал Л.Т. Тоценко обратиться к пожилой москвичке с предложением о покупке. Потом «дома» мы обнаружили, что приобретенная жанровая композиция продолжает сюжет картины, принадлежащей Государственному Русскому музею. Художник написал свою юную жену, ждущую ребенка. «Мечта о будущем» 1868 года пронизана светом и искренней любовью к изображенной модели. Вторая часть темы менее романтична и сдержаннее по колориту.

Уже в следующем году в антикварном салоне была приобретена «Девочка с фруктами» И.Ф. Хруцкого, «Бабушка с внучкой» К.А. Савицкого - довольно слабая работа, но - произведение земляка! Это были недорогие работы, которые мы могли себе позволить приобрести в то время.

Почти одновременно нам посчастливилось встретиться в Москве с двумя замечательными людьми, музейщиками старшего поколения, которые сыграли в дальнейшем формировании собрания Художественного музея огромную роль.

Валентин Сергеевич Попов - искусствовед, заведующий отделом изобразительного искусства Государственного литературного музея, интеллектуал. До сих пор вспоминается очередной приезд в Москву и наше появление в кабинете В.С. Попова. Мы с Любой Зуевой на пороге, замученные от походов по московским адресам, робко смотрим на «патриарха»:

«Здравствуйте, Валентин Сергеевич!» И в ответ напевное с трассировкой: «О! Фэзи пришли!»

Благодаря помощи В.С. Попова состоялось знакомство с несколькими коллекционерами, в том числе с Г.П. Беляковым. От него в музее два прелестных произведения: высококлассный портрет молодого человека работы художника, близкого к творческой манере О. Кипренского, который и сейчас украшает постоянную экспозицию музея, а также декоративно написанный портрет девушки в кокошнике, как дань официальному придворному славянофильскому направлению 1840-х годов. Эти две работы ждут исследований авторства их создателей.

Но главное, именно Валентин Сергеевич познакомил нас с чудесным человеком, великолепным искусствоведом, одним из ярких представителей замечательной плеяды научных сотрудников Государственной Третьяковской галереи 1930-50-х годов Капитолиной Владимировной Фроловой. Для многих музеев страны она была добрым советчиком, помощником, ходатаем перед непростым кланом коллекционеров и владельцев собраний. Самая значительная часть собрания Таганрогского художественного музея была приобретена благодаря ее участию и содействию. Это была абсолютно бескорыстная помощь. Даже наши скромные подарки обязательно отдавались, что приводило нас в безумное смущение. А какими пышными пирогами нас потчевали (иначе и не скажешь) в доме Капитолины Владимировны. Это был обязательный ритуал, потому как однажды я проговорила, что люблю такие пироги.

Замечательно было и то, что наша умница Лидия Тимофеевна Тоценко, на долю которой пришла большая подготовка по реорганизации экспозиции краеведческого музея, загорелась и нашей идеей. И не только ею. В 1960 году мы приехали в Министерство культуры РСФСР на прием к нашему земляку, первому заместителю министра Евгению Владимировичу Зайцеву, человеку очень влиятельному, строгому и обязательному. Приехали с просьбой о создании в Таганроге Художественного музея. В этом же году постановление Совета Министров РСФСР было принято. Таков был порядок в те далекие советские годы - создание городского музея принималось на самом высоком уровне.

Новый организационный статус художественного отдела придал дополнительный импульс в собирательской работе.

Во многом же новое положение вновь созданного музея было чисто формальным. Директором по совместительству оставалась Л.Т. Тоценко, да по другому и быть не могло - фонды не были разделены и учитывались в составе краеведческого музея, экспозиция находилась на той же территории, сотрудники оставались в штатном расписании краеведческого музея. Правда, кроме В. А. Лебедевой в коллективе появилась юная Л. В. Зуева. Но в этот период нам не казалось принципиально важным четкое размежевание между двумя музеями: был коллектив единомышленников с интересом к новому созидательному процессу. Сложности начались позже, с приходом другого директора и переезда в новое здание.

В качестве сноски к вопросу о разделе коллекции между мощным собранием краеведческого музея и сравнительно небольшим количеством художественных произведений, передаваемых галерее, можно сделать несколько замечаний.

Мы не нашли в то время общей позиции с руководством музея по поводу небольшого пейзажа Силвестра Феодосиевича Щедрина «Грот» 1826 года. Он был подарен музею Н.И. Катеневым, уроженцем Таганрога, в результате моей переписки с ним на протяжении нескольких лет. Подарен музею на Петровской улице. Но дело в том, что до революции весь музей располагался в здании библиотеки, об этом помнил Катенев, сюда он и адресовал подарок. По логике вещей эта маленькая работа, практически чужеродная для объединенного музея, имеет довольно важное значение в составе художественной коллекции.

По формальному признаку осталась в краеведческом музее и бисквитная фигурка «Амур» 1770 года Н.Ф. Жилле, знаменитого скульптора XVIII века, преподавателя и директора ПИАХ, учителя выдающихся русских скульпторов Ф.Й. Шубина, И.П. Мартоса, М.И. Козловского и др., которая в Художественном музее наглядно показала бы один из

ранних этапов в развитии традиции отечественного вааяния. В краеведческом музее - это лишь декоративный элемент интерьера, требующий реставрации.

На мой взгляд, целесообразный обмен экспонатами сегодня, накануне создания новой литературной юбилейной экспозиции, посвященной А.П. Чехову, принес бы пользу обоим музеям. Ведь в Художественном музее есть и «Ванька Жуков», написанный братом Антона Павловича — художником Николаем Чеховым, и «Интерьер барской усадьбы» работы художника С.Ю. Жуковского.

Всегда считала, что в этих вопросах должен быть государственный подход, а не странная позиция условного «собственника».

А дальше были успехи и поражения.

Нужны были средства для более значительных приобретений в коллекцию музея. Самое удивительное было в том, что руководство города не отмахнулось от нас и даже благожелательно относилось к идее формирования собрания. Однако, не было постоянного и определенного финансирования, на которое можно было рассчитывать.

Девять лет собирания, пожалуй, наиболее значительной части коллекции музея, называемого тогда «Картинной галереей», - это целая эпопея «хождения по мукам», знакомств, «светских» общений, торговли с оценкой работ, заседаний государственных закупочных комиссии в Москве, убеждения таганрогских начальников в необходимости выделения уже не малых средств для предполагаемых закупок и многое другое.

В то же время, эти усилия приносили замечательные результаты. В нашем музее появились картины знаменитых художников, не только восполняющих утраченное, но и тех мастеров, произведений которых ранее в музее не было.

От Л.М. Головкиной в 1969 году поступила работа С.Ф. Рокотова «Портрет княгини Анны Александровны Долгоруковой», у С.К. Крайтор-Пхакадзе в 1970 году приобрели одну из этапных работ С.Ф. Щедрина «Замок Св. Ангела» 1825 года (существует несколько повторений-вариантов этой работы - колористических поисков художника). С именем этой дамы, владелицы небольшой, но очень значительной коллекции, доставшейся ей от сестры, связана не очень приятная история. Решила вспомнить ее в качестве иллюстрации - не только розы, но и шипы.

Следом за картиной С.Ф. Щедрина, мы приобрели у нее замечательную работу К.А. Коровина «На террасе. Дочери Ф.И. Шаляпина», пейзаж М.И. Лебедева и договорились о покупке великолепного большого полотна И.И. Левитана «Вечерние тени». К этому времени директором обоих музеев была назначена бывший главный хранитель музея, к сожалению, нашего энтузиазма и восторга не испытывающая.

Радость от новых поступлений сменилась недоумением от приглашения в прокуратуру. Святая простота, я и не подозревала, что мне могут задать вопрос: «А вам не платили владельцы за то, что вы покупали у них картины?» Я объяснила, что обычно уговариваю и даже умоляю их расстаться с нужным нам произведением, рассказываю об истории музея и т.д. Первый раз в жизни столкнулась с интонациями допроса, не испугалась, предложила проверить ситуацию в Москве. И проверили. После чего, разгневанная С.К. Крайтор-Пхакадзе категорически отказалась иметь какие-либо дела с Таганрогом. Не только пейзаж Левитана ушел в другую частную коллекцию, но исчезла и надежда на приобретение прекрасного мужского портрета работы великого Ореста Кипренского.

Донос ничем не закончился, а пейзаж Левитана все-таки был приобретен нами через два года из коллекции, куда он ушел от оскорбленной пожилой дамы.

Одной из самых больших удач, важность которой трудно переоценить, стало знакомство с замечательной, воистину национальной певицей, фанатичной собирательницей отечественной живописи Лидией Андреевной Руслановной. Ввела нас в ее дом Капитолина Владимировна Фролова, пользующаяся полным доверием этого замечательного человека.

Лидия Андреевна угощала нас вкуснейшими пирогами, рассказывала с юмором и иронией увлекательные истории из своей жизни, трагичные и смешные, кусочки бытовых эпизодов, а потом показывала картины. Мы замирали, волновались и в результате увезли

на экспертизу пять работ: Кустодиева, Серова, Маковского и Поленова. На следующий день - приказ: «Я передумала, везите картины назад!» И на завтра мы стояли перед ней, смиренно и безнадежно глядя на царственную особу. То ли жалко ей нас стало, то ли так оно и было, но в результате опять команда: «Ладно, забирайте Серова. Не люблю я эту даму». Так в музее появилась замечательная работа великого портретиста Валентина Александровича Серова «Портрет балерины Карзинкиной». Этот портрет занял достойное место в экспозиции в юбилейной выставке «Музеи России поздравляют Третьяковскую галерею» в 2006 году в связи со 150-летием основания Национальной картинной галереи. Вторая из трех работ Таганрогского художественного музея, представленная на этой выставке, была также приобретена у Л.А. Руслановой за несколько месяцев до ее смерти. Это большая жанровая картина еще молодого, а впоследствии блистательного мастера портретных работ К.Е. Маковского «Крестьянский обед во время жатвы» 1872 года.

Л.А. Русланова очень неохотно расставалась с произведениями из своей коллекции. Но если жизнь и заставляла ее это делать, то нам посчастливилось войти в число трех музеев, для которых открылись двери ее дома, Белорусского художественного музея, потерявшего свое собрание в годы Великой Отечественной войны и Горьковского художественного музея. Уже после смерти Лидии Андреевны ее дочь Маргарита Владимировна Крюкова в память о матери согласилась продать несколько произведений второй половины XIX века, которые стали подлинными жемчужинами собрания музея. Это ранний итальянский пейзаж Н.Н. Ге «Каррара», жанровая картина Г.Г. Мясоедова «У чужого счастья», экспонировавшаяся на второй передвижной выставке 1872 года, библейский сюжет В.Д. Поленова «Пределы Тирские», пейзаж 1886 года В.Е. Маковского «Пастушок со стадом». Не увидите пока только античную сценку блистательного мастера Г.И. Семирадского «Утром на рынок», похищенную из музея семь лет назад и найденную благодаря усилиям многих людей. Сейчас лучшие реставраторы Всероссийского художественного научно-реставрационного центра имени И.Э. Грабаря в Москве возвращают ей жизнь.

Множество интереснейших людей, с которыми довелось встретиться за эти годы, десятки замечательных находок для музея, заботы о достойном месте для экспонирования выросшего собрания - в этом калейдоскопе событий рождалось качественное новое учреждение культуры, новое явление в жизни города Таганрога.

Весной 1976 года, после трехлетней истории с передачей особняка - дома Хандриных - под размещение картинной галереи, большого ремонта и реставрации здания, новый музей был торжественно открыт. То, что ежедневно стояла очередь посетителей, говорило о событии в культуре города. Начиналась новая, настоящая музейная жизнь! Экскурсии, лекции, занятия со школьниками, студентами, подготовка выставок и многое другое. За всем этим стояла хлопотная, но такая замечательная работа!

Думаю, что нельзя забыть среди многих энтузиастов и помощников организации нового музея имена двух людей, без которых, вероятно, это событие могло и не произойти. Большую помощь на протяжении нескольких лет оказывала нам Алла Дмитриевна Бочарова, которая в это время была заместителем председателя горисполкома города. Именно она заботилась о выделении средств на приобретения галереи, а затем и на ремонтные работы, настойчиво отстаивала необходимость создания нового учреждения культуры. Очевидно, последнюю точку в поддержке передачи особняка картинной галереи поставил Ф.Д. Зубрицкий. Он не только поддержал проект, но и своей властью первого секретаря горкома партии предложил ведущим предприятиям города оказать всемерную помощь в ремонте особняка. Сегодня трудно представить, но «достать» любые материалы для этих целей было практически невозможно.

Многое из задуманного превращалось в реальность, но это был лишь этап в работе. Мы понимали, что здание маловато, что есть необходимость дополнять лакуны в экспозиции. Впереди много задач и проблем.

Увы... В мае 1977 года я вынуждена была покинуть директорский пост и уехать вслед за мужем в Москву.

С тех пор прошло 30 лет. Но, как говорят, старая любовь не ржавеет. Все эти годы я работала в Министерстве культуры РСФСР, а с 1991 года в Министерстве культуры Российской Федерации и старалась в силу возможности помогать галерее.

Возвращаясь к списку утрат, понесенных музеем, с чувством удовлетворения и гордости за музей пересматриваешь еще раз замечательные произведения и имена выдающихся русских художников, которые заняли свое место в стенах Художественного музея Таганрога - Антропов, Рокотов, Щедрин, Григорий и Никанор Чернецовы, Хруцкий, Шишкин, Поленов, Левитан, Репин, Суриков, Ге, Верещагин, Маковские, Коровин, Серов, Кончаловский, Машков, Лентулов... И большая плеяда мастеров XX века.

Была, правда, одна неисполненная задача. Остались безуспешными поиски произведения главного «бунтовщика» идейного главы передвижничества И.Н. Крамского, работа которого была утрачена во время войны. В 1997 году на аукционе Сотбис был приобретен портрет Е.Ю. Зак, исполненный И.Н. Крамским в 1884 году, и передан министерством в Таганрог. Еще одно звено в цепочке восстановления давних утрат.

В музее трудится молодой, профессиональный коллектив, возглавляемый опытным музейным работником, человеком, влюбленным в свое дело, Тамарой Федоровной Пугач.

Что касается музейных проблем, очевидно, у коллектива их не стало меньше. Наступили времена переосмысления всего комплекса задач как просветительных, так и научных. И среди них важнейшими становятся научное обоснование экспозиционных решений, атрибуционная работа, а также необходимость более полного представления собрания музея. Ведь в активном показе зрителю сегодня только 1-2 процента от всех коллекций. И сменные экспозиции - выставки - не вина музея.

С радостью узнала, что в 2003 году музею возвращено исконное наименование - Таганрогский художественный музей (учитывая особенности раздела коллекций в 60-е годы, музей временно вынужден был получить наименование — картинная галерея).

Сегодня Таганрогский художественный музей имеет статус областного учреждения культуры. Благодаря постоянному вниманию министра культуры Ростовской области Светланы Ивановны Васильевой в последнее время произошли позитивные изменения в жизни музея, в числе которых — масштабные работы по реставрации здания, улучшение положения фондохранилища.

Но музей живет и активно работает в замечательном городе и неразрывно с ним связан.

В последние годы Художественный музей получил широкое признание в музейном мире, завоевал по праву значительный интерес жителей города и, что очень важно, его руководителей.

Мне довелось встретиться с мэром Таганрога Николаем Дмитриевичем Федяниным и его заместителем по социальным вопросам Елизаветой Васильевной Липовенко. Это были очень интересные встречи. Молодые, энергичные, интеллигентные и умные люди, для которых тема культуры - не пустой и формальный предмет. Это всегда чувствуется. Они готовятся к будущему юбилею великого земляка. Без пафоса, без торжественных обязательных слов, они не только реально планируют предстоящие мероприятия и акции, но и немножко мечтают.

Будем надеяться, что в этих планах и мечтах есть место и для развития замечательного Таганрогского художественного музея.